

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.7>

Меркушов Станислав Фёдорович

МОТИВ ПОТЕРИ РАССУДКА КАК БАЗОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ АБСУРДИСТИКИ Д. А. ГОРЧЕВА

Природа абсурдистики определяется деструктивным мотивным комплексом, весьма специфичным для современной литературы. Он зрим в творчестве Д. А. Горчева: специфика экспликации его сегмента - мотива потери рассудка - подробно исследуется в данной статье на примере двух рассказов ("Пистолет", "Красавец"). Особенности указанного мотива разнопланово коррелируют с абсурдистскими нарративными приемами. Доказывается, что внешняя деструктивность мотива потери рассудка имеет глубинный внутренний созидательный компонент, представляющийся важнейшим и главенствующим в эстетике писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/10/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 30-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

бытовой уклад, Островский создал незабываемые картины из жизни своего народа. Нравы, обычаи волжан определили важнейшие сюжетные повороты пьесы» [7, с. 53], – отмечает В. Ф. Соколова, и это замечание исследователя применимо и к другим волжским пьесам драматурга.

Подводя итоги нашим размышлениям о созданных Островским городах, заметим, что для понимания специфики анализируемых пьес важно осознавать, что их действие происходит не просто в *городе* (Калинове или Бряхимове), но на *Волге*.

Волга не только создает культурно-исторический фон исследуемых пьес, но и добавляет им типично русское звучание, являясь главным русским водным топонимом. При всей оригинальности и самобытности образ каждого из городов разрастается до символа, который объединяет в себе типические черты городов провинциальной России.

Анализируемые пьесы, таким образом, являются важным компонентом Волжского текста, ядро которого сформировано в том числе драматургическим наследием А. Н. Островского.

Список источников

1. Журавлева А. И. Кое-что из былого и дум: о русской литературе XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. 272 с.
2. Кошелев В. А. В городе Калинове [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200302806> (дата обращения: 04.07.2019).
3. Купцова О. Н. Художественная картография А. Н. Островского: город // Уральский исторический вестник. 2018. № 2 (59). С. 78-86.
4. Мосалева Г. В. «Непрочитанный» А. Н. Островский: поэт иконной России: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2014. 296 с.
5. Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. / под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. М.: Искусство, 1974. Т. 3. Пьесы (1868-1871). 560 с.
6. Роголев А. Ф. Имя и образ в драме А. Н. Островского «Гроза» (ономастическое прочтение) // Филологические науки. 2010. № 4. С. 15-26.
7. Соколова В. Ф. Народоведческие истоки творчества А. Н. Островского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). Ч. 3. С. 51-54.
8. Сулова В. В. Город Бряхимов как один из центров «литературной губернии» А. Н. Островского (на материале комедии «Красавец мужчина») // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 15. С. 222-228.
9. Холодов Е. Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967. 544 с.

KALINOV AND BRYAKHIMOV: VOLGA TOWNS CREATED BY A. N. OSTROVSKY

Krasnikova Olesya Nikolaevna
Pushkin Leningrad State University
oln.krasnikova@gmail.com

The article analyses the poetics of A. N. Ostrovsky's plays, which unfold in the artistic space of two imaginary Volga towns – Kalinov and Bryakhimov. A. N. Ostrovsky's "Volga" plays have attracted relatively little scientific attention in comparison with "Moscow" ones. However, the study of the artistic space of "Volga" plays, such as "The Storm" (1859), "The Ardent Heart" (1869), "The Forest" (1870), "Without a Dowry" (1879), "Talents and Admirers" (1881), "The Handsome Man" (1882), is essential taking into account that A. N. Ostrovsky's creative work forms the core of the Volga text. The study deepens and broadens the modern conception of a local text in its particular aspect – the Volga text.

Key words and phrases: A. N. Ostrovsky; dramaturgy; play; Kalinov; Bryakhimov; town image; Volga text.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.7>

Природа абсурдистики определяется деструктивным мотивным комплексом, весьма специфичным для современной литературы. Он зрим в творчестве Д. А. Горчева: специфика экспликации его сегмента – мотива потери рассудка – подробно исследуется в данной статье на примере двух рассказов («Пистолет», «Красавец»). Особенности указанного мотива разнопланово коррелируют с абсурдистскими нарративными приемами. Доказывается, что внешняя деструктивность мотива потери рассудка имеет глубинный внутренний созидательный компонент, представляющийся важнейшим и главенствующим в эстетике писателя.

Ключевые слова и фразы: Д. А. Горчев; мотив потери рассудка; «Пистолет»; «Красавец»; абсурд.

Меркушов Станислав Фёдорович, к. филол. н.
Тверской государственный университет
stas2305@gmail.com

МОТИВ ПОТЕРИ РАССУДКА КАК БАЗОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ АБСУРДИСТИКИ Д. А. ГОРЧЕВА

Мотив потери рассудка если не постоянен, то, по крайней мере, частотен в русской литературе. Исследователи сходятся во мнении, что он всегда присутствует там, где нарушаются какие-либо связи, начиная с бытовых

и заканчивая бытийными. Актуализируются мотивы безумия в культуре, несомненно, в кризисные исторические периоды, которые приходится на рубежи столетий. Т. А. Тернова справедливо считает: «Поскольку мотив безумия иллюстрирует собой пересмотр отношения к человеку, его можно считать одним из симптомов переходных эпох, к которым, в частности, принадлежат два рубежа: XIX-XX и XX-XXI веков» [15, с. 134]. Интересующий нас второй из обозначенных рубежей примечателен тем, что в это время изучение человека в художественной литературе в ракурсе безумия предполагает обеспечение «постижения единственно возможного мира, заключенного внутри самого человеческого существа» [Там же]. По мнению О. А. Колмаковой, «идея иррациональной природы человеческого существования воплощается современными авторами в дискурсе безумия – мотивах слабоумия, сумасшествия, юродства» [11, с. 87]. В текстах разного жанра и рода так или иначе обнаруживается и нередко развивается семантика потери рассудка, сопряженная с характерной для нее каузальностью и рефлексией (в конце XX – XXI в. это проза Ю. В. Мамлеева, В. Г. Сорокина, В. О. Пелевина, Л. С. Петрушевской, И. Г. Клепа и мн. др.). Особенно заметен указанный мотив в абсурдистике с ее поэтикой нетождества или алогичного тождества («...плечо надо связывать с четыре» (А. И. Введенский) [Цит. по: 12, с. 593]) и спецификой нарушения всевозможных корреляций: логических, причинно-следственных, смысловых. Он представлен в произведениях абсурда и об абсурде в разнообразных семантических ипостасях и функционирует в них как неотъемлемая часть. Эти ипостаси могут выражаться в номинациях таких концептов, как «безумие», «страх», «старость», «болезнь», «смерть», т.е. в компонентах семантической структуры, связанных с лексической категорией «превращение» (особое значение получают эти категории у западных авторов-абсурдистов: Ф. Кафки, С. Беккета, Э. Ионеско, Г. Пинтера, но весьма широко разрабатываются и в современной отечественной абсурдистике и смежных направлениях (Д. М. Липскеров, В. Климов, А. Рясков и др.)). Индивид может бояться, стареть, болеть, терять или приобретать работу и свободу, потреблять различные продукты человеческой и нечеловеческой деятельности и т.д., тем самым изменяясь, трансформируясь, превращаясь внешне и внутренне, иногда при этом теряя рассудок. В сюжетно-персонажной системе абсурдистики все обозначенные элементы парадоксальным образом переплетены. В современной литературе в весьма нестандартном творчестве Д. А. Горчева исследование указанного мотива и его компонентов приобретает особенный интерес. В связи с этим **актуальность** нашего исследования заключается в значимости текстов Д. А. Горчева для русского литературного процесса, в которых, в свою очередь, масштабен и важен мотив потери рассудка.

Серьезная и последовательная литературоведческая и историко-литературная рецепция творчества Д. А. Горчева началась сравнительно недавно: с 2017 г. в сети стали появляться соответствующие исследования (к примеру, статья И. В. Силантьева [13]). До того достаточно самобытные тексты писателя удостаивались отдельных рецензий, чаще авторства дружественных товарищей по литературному цеху, которых у Д. А. Горчева было немного (Д. Л. Быков прежде всего [2]), и сочувствующих критиков, которых было еще меньше (в частности, Г. А. Юзевич [18], Н. Горлова [3]). Незадолго до своей ранней кончины (Д. А. Горчев умер в 2010 г. в возрасте 46 лет) он стал гостем телепередачи «Школа злословия» (2008 г.) [19], где был представлен как писатель-блогер. Между тем, на наш взгляд, Д. А. Горчев остается одним из главных апологетов отечественного абсурдизма двух последних десятилетий (наряду с Е. В. Клюевым, В. Климовым и Д. М. Липскеровым), последовательно реализующим в своем творчестве поэтические установки литературы абсурда с методологической ориентацией на традиции группы ОБЭРИУ.

В творчестве Д. А. Горчева поэтика и эстетика абсурда выражена во всех своих экспликациях. В нем существуют многие присущие абсурду художественные принципы, в частности, нарушение логики, пародийность, жанровый синкретизм, выход за пределы рационального, гротеск, сатиричность и т.д. При этом все эти элементы приводятся во взаимодействие посредством глубокого писательского дара Д. А. Горчева, определяемого исключительным чувством меры, краткостью и точностью, глубоким знанием человека, стилистической тонкостью художника. Симптоматичен для абсурда Д. А. Горчева также «принцип незавершенности» текста [Цит. по: 13, с. 125], т.е. отсутствие его смысловой и эстетической законченности. И. В. Силантьев рассматривает во многом автобиографические блог-тексты Д. А. Горчева, первоначально «ушедшие в народ» через Интернет и источником «незавершенности» которых как основной их черты являлась сфера их бытования – мировая сеть (впоследствии они были напечатаны [4; 5]). Определенная эскизность их объясняется «реальностью онлайн-диалога», разомкнутой в «открытый космос блогосферы» [13, с. 129, 133] и существующей вне времени и пространства. Незаконченность горчевских текстов, не относимых к условному художественно-документальному типу, детерминирована, на наш взгляд, открытостью и бесконечностью творческого акта как такового, принципиальной невозпроизводимостью замысла автора в том виде, в котором он возникает в сознании (ср., из интервью с писателем: «Текст появляется в голове и сразу. Но когда пишешь, он, конечно, трансформируется, потому что нельзя его перенести напрямую, поэтому получается вовсе не то, что я хотел написать» [14]). Кроме того, прозе Д. А. Горчева свойственна также пародийность литературных стилей (особенно сказа, в чём она сопрягается с прозой Е. А. Попова, Ю. Буйды и др. и коренится прежде всего в традиции Н. С. Лескова и П. И. Мельникова-Печерского).

О возобновлении читательского, критического и научного интереса к творчеству Д. А. Горчева, помимо констатации этого многотиражными переизданиями его книг [4-8], появлением свежих критических статей и научным разворотом в его сторону, свидетельствует также и кардинальная перестройка реальности, которая начинает доносить важные импульсы текстов этого автора, а ищущее духовности и истины общество готово их снова принимать. Подобно А. И. Введенскому и Д. Хармсу, глубина и вечная актуальность которых стала осмысляться сравнительно недавно (в 80-х гг. прошлого столетия, через 50 лет после такого же безвременного

ухода обоих гениев), значимость Д. А. Горчева для русской литературы начинает осознаваться именно сейчас, спустя без малого десять лет после смерти писателя и в период во многом каталептического состояния мировой культуры. К тому же, по очень верному, с нашей точки зрения, замечанию, высказанному автором некролога на смерть поэта Б. Усова Г. Игнатова, «неявное в ней [культуре] может таиться годами, а потом вдруг оказаться осмысленным как центральное, стержневое, как та невидимая ось, вокруг которой всё вращается...» [10].

Настоящая статья в определенной степени призвана актуализировать изучение творчества Д. А. Горчева, в данном конкретном случае ее **цель** состоит в исследовании мотива потери рассудка, частотного в произведениях писателя. Как уже было сказано, несмотря на усиливающийся научный интерес к текстам Д. А. Горчева, всё же их проблематика и тематика остаются новыми для литературоведения, в связи с чем **научная новизна** статьи понятна. Среди **задач** статьи – анализ мотива потери рассудка в рассказах «Пистолет» и «Красавец».

В работе Г. Г. Хубулавы «Тема безумия в русской литературе» безумие трактуется как «выход из себя» [17, с. 61]. С нашей точки зрения, безумие как следствие потери рассудка в текстах абсурда должно пониматься наоборот, как «возвращение к себе», т.е. к вечному, идеальному, примитивному (в первом прочтении этого слова – как к простому, безыскусному и в то же время сакральному, трансцендентному, божественному – тому, что заложено в природе человека изначально и остается всегда). Частотностью фразы «в своем уме» маркируется в рассказах Д. А. Горчева парадоксальная тенденция, диаметрально противоположная общепринятому пониманию данного выражения.

В Словаре фразеологизмов под редакцией А. И. Молоткова смысл «в своем уме» передается как «в нормальном психическом состоянии» [16, с. 493], что подчеркивается синонимией «в полном рассудке». Безоценочная характеристика значения указанного фразеологизма предлагается в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой: «...не в своем уме – о психическом состоянии человека» [9, с. 987]. В Большом фразеологическом словаре русского языка под редакцией В. Н. Телия приведенное сочетание рассматривается как указующее на индивида, который «неверно воспринимает происходящее, действует неразумно, ведет себя странно, не свойственным ему образом» [1, с. 431]. Можно говорить о том, что смысл данного фразеологизма апеллирует к некоему «эталонному» состоянию ума, рецепция которого восходит к древнему культурному коду и соотносится с древними же культурными оппозициями «внешний – внутренний», «свой – чужой». Однако образ фразеологизма связан с культурным и общественным представлением о том, что считать нормальным, а что – нет. Д. А. Горчев обращается именно к относительности восприятия искомого сочетания, как и любого другого, корреспондирующего с конвенциональностью понятий и обозначающихся ими предметов. Поэтому в своих рассказах писатель стремится интерпретировать выражение «в своем уме» концептуально, но в то же время эмоционально.

Итак, у Д. А. Горчева «своего ума» можно лишиться благодаря посредничеству «другого», которым может быть трансформированный фольклорный персонаж (например, ученая лягушка («Лягушка»)). Либо «не в своем уме» можно оказаться, подпав под действие особого рода галлюциногенных паров, выделяемых никому не видимым галлюциногенным грибом, образовавшимся над Москвой («Гриб»). Или с ума сходят жители и гости обычного с виду города, становясь одержимыми всем, что связано с главным русским поэтом («Пушкин»).

Но не реже в рассказах Д. А. Горчева с ума сходят классически и достаточно традиционно, по-гоголевски: при, казалось бы, неожиданном вторжении в спокойную, размеренную и упорядоченную, а в целом бессмысленную жизнь персонажа чего-то для него необычного («Телефон», «Пистолет»). Именно тогда для героя начинается этап познания, заключающийся в попытке решения экзистенциальной проблемы, связанной с предоставляемой свыше человеку возможностью осознать правильность/неправильность жизненного выбора через своего рода «уход с ума», через альтернативу пересмотра специфики своего существования с нерациональной точки зрения. Однако часто персонаж не в силах преодолеть в себе страх перед новым и осмыслить разумом (что до конца невозможно) положительные аспекты перемены. Либо же «чудо» очень скоро становится обыденностью, и внутренняя суть персонажа не трансформируется.

Так, в рассказе «Пистолет» заурядный гражданин Иван Иванович однажды вместо «макарон с луком» покупает на рынке у цыгана, который впоследствии оказывается французом, приторговывающим вареными совами, пистолет. После такой нетривиальной покупки с Иваном Ивановичем начинают происходить соответствующие события: к нему вламывается милиция, затем приходит бывшая жена с любовником после десятилетнего отсутствия, причем она же находит пистолет и уносит его с собой. Между тем сразу же появляется «давешний цыган» и возвращает пистолет. Далее Ивану Ивановичу снится особый сон, и в итоге пистолет обнаруживается и остается в морозильной камере холодильника. Однако в результате всё произошедшее почти не влияет на Ивана Ивановича и не преобразует его внутренний мир. В финале рассказа «Пистолет» случившееся с Иваном Ивановичем соотносится с новостями, передаваемыми по радио, причем и то, и другое представляется неудивительным (субъективное приобретает значение объективного, в мире людей не совершится ровным счетом ничего, поскольку не будет никем замечено – ввиду суеты или косности – безразлично; ср., рассказ «События»). На самом деле Иван Иванович не сошел с ума, изображенное новое быстро потеряло свою чудесность и превратилось в еще один факт, предвещающий дальнейшее рутинное существование героя: «Пистолет лежит в холодильнике, а Иван Иванович сидит на табуретке и радио слушает. По радио как раз какие-то новости передают. У них, на радио, всегда есть разные новости. Да оно и не удивительно. Много чего на свете случается» [4, с. 226]. Рассмотренный сюжет, комплекующий мотивный комплекс «безумие», опосредован формальной структурой текста с характерными для абсурда мотивами сна и двойничества (цыган-француз, теща-жена, четыре одинаковых мужчины в пальто и т.п.) Конечно, структура эта пародийная (пародируется традиционная мистическая проза, как современная (также литературная сказка)

(Л. С. Петрушевская), так и старого образца (А. К. Толстой, ранний Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь)), сам рассказ выдержан в комическом ключе. Вот некоторые примеры: «Как только он залез в троллейбус, все люди побежали к дверям, чтобы на улицу выйти. Так торопились, что даже одну старушку убили. Старушка сама кричала: “Ой, убили, люди добрые!”». <...> А лифт уже который год не работает. Как дом построили, так и не работает. <...> И борщом пахнет так, что даже страшно становится» [Там же, с. 221-222].

Иной вариант безумия – выхода из себя – возврата к себе – может быть представлен у Д. А. Горчева посредством концентрации на уже упоминаемой нами оппозиции «свой – чужой», базирующейся на конвенциональной природе общественных отношений и типе культурного кода. В рассказе «Красавец» в ситуации хронической потери рассудка оказываются все женщины, в поле зрения которых попадает Пётр Фёдорович, прекрасный, «как утренняя звезда» [8, с. 28]. Психоз всякой женщины при виде его красоты выражается в падении на социальное дно, деградации и полном распаде личности: «Она обязательно бросала мужа, детей, работу, спивалась, и скоро её видели на помойке с беломором в зубах» [Там же, с. 28-29]. В силу внутреннего благородства Пётр Фёдорович, стремясь прекратить быть причиной подобного, идет на крайние меры – сам становится в целом ничем не лучше своих вынужденных жертв, «редкой... скотиной» [Там же, с. 29] во всех своих проявлениях. Однако и для него находится супруга Клара Борисовна, «правда, не такая забулдыга, как Пётр Фёдорович» [Там же, с. 30], – в семье рождается сын-дегенерат.

Текст представляет собой стилизацию классической легенды или притчи, но с характерным для абсурдистики перевертыванием их сюжетной и мотивной специфики. Во-первых, писатель переставляет слагаемые архетипического сюжета о гадком утенке: красивый герой по собственной инициативе обретает мерзкий вид, и уже в силу этого он терпит оскорбления и побои, но, по тексту, исходящие только от милиции – карательной системы (милиция в произведениях Д. А. Горчева, являясь блюстителем абсурдного порядка, кроме того практически всегда показана в роли органа подавления, никак не защиты граждан), к которой относятся и добропорядочные граждане с омертвевшей душой, т.е. общественным изгоем он не становится: «Один милиционер, молодой, однажды так увлёкся лупить Петра Фёдоровича дубинкой по голове, что еле его оттащили. Пришлось отвести этого милиционера в отделение, налить ему стакан водки и отправить домой от греха подальше» [Там же]. Красота у Д. А. Горчева отнюдь не спасает мир в упрощенном понимании, однако преобразует его: сводя с ума «прекрасный пол», заставляет увидеть окружающее во всей наготе, без наивного оптимизма. И, конечно, писатель определенно знает и пытается внушить это читателю, что изначальная человеческая суть сохраняется именно под слоями внешней – телесной – скверны. Душа часто остается живой как раз за толщей наружной грязи, несмотря на перманентное омрачение ума вследствие непрерывных алкогольных абстиненций. А путём применения физической силы Пётр Фёдорович препятствует окончательному безумию своей жены – полному падению: «Подбегает к ней Пётр Фёдорович – и клац ей с ходу в челюсть! Клара Борисовна плясать перестала и смотрит на него мутными глазами, но уже видно, что чуть-чуть в себя приходит» [Там же, с. 30-31]. Ввиду всего и называется рассказ – «Красавец».

Д. А. Горчев не оправдывает своих героев (потому и завершает повествование появлением на свет нездорового ребенка – как возможного грядущего при продолжении подобных общественных тенденций), но стремится вызвать сострадание к ним, следуя таким образом русским классикам, в первую очередь Ф. М. Достоевскому. Вместе с тем художественная специфика Д. А. Горчева и время, в которое ему выпало творить, таковы, что сквозь этот и другие тексты сквозит горькая ирония.

Рассказ можно интерпретировать и в более узком социальном контексте: прорисовка абсурдной отечественной действительности 1990-х гг. на конкретном примере, перерастающем свои узкие, на первый взгляд, рамки и становящемся образом общества смутного времени. Свойственный Д. А. Горчеву прием отстранения, так же, как и в большинстве других его текстов, здесь позволяет писателю выстроить некую модель социального развития, где уже следующее после Петра Фёдоровича поколение вырождается совершенно: «Ножки кривенькие, лобик низенький, глазки выпученные. Не балуется. Молчит. Козюло из носа достанет, съест и дальше молчит» [Там же, с. 31].

Таким образом, деструктивная абсурдистская эстетика у Д. А. Горчева, выраженная через частотный для его прозы мотив безумия, приобретает конструктивное и смыслообразующее начало. Тексты Д. А. Горчева, с непрофессиональной, поверхностной точки зрения представляющие собой лишь отклонение от имеющегося общепринятого эстетического канона ввиду своей нарочитой сниженности, разрушительной тенденциозности, хаотичности, усиленного внимания к телесности и т.п., на самом деле несут в себе огромный положительный очищающий заряд. Внешне деструктивный контекст большинства текстов Д. А. Горчева раскрывает своё светлое внутреннее наполнение, которое доступно вдумчивому и страдающему взгляду и где ощущается неприятие лжи и фальши, ханжества, пошлости и несправедливости.

Список источников

1. **Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий** / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с.
2. **Быков Д.** Рецензия на сборник рассказов Дмитрия Горчева «Сволочи» // *Новый Мир*. 2003. № 5.
3. **Горлова Н.** Добрейший мизантроп // *Литературная газета*. 2003. № 13.
4. **Горчев Д.** Москвичи. М.: РИПОЛ классик, 2018. 255 с.
5. **Горчев Д.** Поиск предназначения. М. – СПб.: Астрель, 2012. 285 с.
6. **Горчев Д.** Понаехавшие. М.: Пальмира, 2019. 208 с.
7. **Горчев Д.** Придурки. М.: РИПОЛ классик; Пальмира, 2018. 383 с.
8. **Горчев Д.** Сволочи. СПб. – М.: Пальмира; Книга по требованию, 2018. 237 с.

9. **Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ; Астрель; Харвест; Lingua, 2006. Т. 2. М – П. 1168 с.
10. **Игнатов Г.** Лидер «Соломенных Енотов» Борис Усов покинул нас [Электронный ресурс]. URL: <https://jgazeta.ru/lider-solomennyyh-enotov-boris-usov-pokinul-nas/> (дата обращения: 12.04.2019).
11. **Колмакова О. А.** Мотивы и образы деструкции в прозе И. Клеха // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 4 (30). С. 87-97.
12. **Липавский Л. С.** Разговоры // Введенский А. Всё. М.: ОГИ, 2013. С. 582-662.
13. **Силантьев И. В.** Принцип незавершенности в творчестве Дмитрия Горчева // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 125-134.
14. **Стремидловский С.** Интервью с Дмитрием Горчевым [Электронный ресурс]. URL: <http://prediger.ru/forum/index.php?showtopic=55> (дата обращения: 09.06.2019).
15. **Тернова Т. А.** Семиотика безумия в литературе русского авангарда // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. Вып. 45. № 21 (202). Филология. Искусствоведение. С. 134-139.
16. **Фразеологический словарь русского языка** / под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
17. **Хубулава Г. Г.** Тема безумия в русской литературе // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. Вып. 1. С. 61-70.
18. **Юзефович Г.** Милость к падшим и заштопаным: под маской холодноватой отстраненности Дмитрий Горчев проповедует вечные ценности // Ведомости. 2008. 30 октября.
19. <https://www.youtube.com/watch?v=XYulAhRJUGQ> (дата обращения: 24.08.2019).

MOTIVE OF INSANITY AS THE BASIC INSTRUMENT OF D. A. GORCHEV'S ABSURDISM

Merkushov Stanislav Fedorovich, Ph. D. in Philology
Tver State University
stas2305@gmail.com

The nature of absurdism is determined by the destructive motive complex peculiar for modern literature. It's recognizable in D. A. Gorchev's creative work: specificity of explicating its segment – the motive of insanity – is analysed in detail by the example of two stories ("Pistol", "Adonis"). This motive correlates in many aspects with absurdist narrative techniques. The paper argues that apparent destructivity of the motive of insanity contains an internal constructive component, which appears to be a dominant of the writer's aesthetics.

Key words and phrases: D. A. Gorchev; motive of insanity; "Pistol"; "Adonis"; absurd.

УДК 82

Дата поступления рукописи: 21.07.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.10.8>

Статья посвящена изучению типов семей в детской и подростковой прозе. Цель работы – рассмотреть виды семей в произведениях детской литературы XIX – начала XXI века. Для анализа внутрисемейных отношений использовалась классификация исследователей-психологов Жуковой, Запорожцев и Шишкиной, Корчагиной. Авторы приходят к выводу, что в XIX веке больше полных, нуклеарных, однодетных, городских, но кризисных семей. В XX веке видно преобладание децентристских, полных, однодетных и нуклеарных семей. В XXI веке схожая ситуация: отмечается доминирование полных, децентристских, однодетных и городских семей.

Ключевые слова и фразы: детская и подростковая проза; типы семей; семьи в произведениях XIX века; виды семей в произведениях XX века; своеобразие семейных отношений в детской прозе XXI века.

Минибаева Аделя Ринатовна

Божкова Галина Николаевна, к. филол. н., доцент

Быков Антон Валерьевич, к. филол. н., доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

adelya.minibaeva@yandex.ru; bozhkova.galina@mail.ru; anton-77@mail.ru

ВИДЫ СЕМЕЙ В ДЕТСКОЙ И ПОДРОСТКОВОЙ ПРОЗЕ XIX-XXI ВЕКОВ

Во все времена семья как социальный институт играет жизненно важную роль в судьбе и личностной ориентации человека. В век стандартов, глобализации и компьютеризации, увеличения числа разводов, ослабления роли семьи в жизни человека постановка вопроса представляется **актуальной**. Исследование нацелено на изучение типов семей в детской и подростковой прозе, поэтому представляется необходимым решение следующих **задач**: систематизировать теоретический материал по исследуемой проблеме; рассмотреть психолого-педагогические классификации видов современных детей; изучить и классифицировать семьи в произведениях детской прозы XIX – начала XXI века.

Несмотря на то, что существуют некоторые исследования, освещающие роль семьи в формировании личности, они преимущественно психолого-педагогические: Т. Г. Кислицына и В. Ю. Троицкий «Этика и психология семейной жизни: хрестоматия для учителя» [10]; А. Г. Харчев, М. С. Маковский «Современная